

Хуа Линь важно подошел, глядя сверху вниз, и произнес с насмешкой:

— Ты только что смеялся надо мной? Хуа Е, ты хоть посмотри на себя! Выглядишь как дохлая тощая обезьяна, да и с таким отцом... Какое у тебя право смеяться надо мной? Слышал, ты работаешь на руднике? Работа как раз для тебя, там нужна только грубая сила, мозги ни к чему. Хуа Е, кто угодно может смеяться надо мной, но только не ты. Ты кто такой вообще?!

С самого детства он никогда не чувствовал себя так униженно, как сейчас, поэтому всю свою злость он выместил на Хуа Е. Этот человек, которого он презирал и никогда не замечал, осмелился смеяться над ним!

Хуа Линь был в ярости и решил как следует проучить Хуа Е. Только он выпустил облако сознания, как маленький жирный поросенок с жаровни вдруг выстрелил, словно стрела, и крепко обхватил лапками руку Хуа Линя. Хуа Линь с яростью уставился на поросенка, и его облако сознания, направленное на Хуа Е, мгновенно развернулось на поросенка. Лицо поросенка исказилось от боли, и он издал жалобный стон. Тем не менее, его лапки не ослабили хватку.

В тот момент, когда А-Ван был на грани смерти, Хуа Линь вдруг словно ударило током, и он резко швырнул поросенка в сторону, сам упав на землю. Его облако сознания подверглось серьезной атаке, и его разум оказался на грани краха!

Хуа Е стоял на месте, по-прежнему худой и слабый, но от него исходил холод. Его темное лицо было бесстрастным, уголки губ слегка приподнялись, образуя пугающую улыбку.

А-Ван никогда не видел Хуа Е таким. Его порывистое движение вдруг остановилось, и он уставился на человека перед собой. Через несколько секунд Хуа Е пришел в себя, с недоумением глядя на Хуа Линя, свернувшегося на земле, но лишь на мгновение.

Затем он подозвал А-Вана. Тот издал рычание и бросился в его объятия, растопырив лапки, чтобы обнять его, а в глазах его появились слезы, словно он умолял о утешении. Хуа Е одной рукой поддержал круглый зад А-Вана и направился к выходу.

Когда Папа Хуа увидел Хуа Е, он сразу почувствовал холод, исходящий от сына. Хуа Е был напряжен, губы плотно сжаты, шаги быстрые. Папа Хуа молча бежал за ним, не решаясь спросить, что же произошло.

Они сели на последний автобус, и когда он проезжал через город, на единственном экране Звезды Деревянного Карлика, подключенном к сети Империи, показывали новости.

Пикирование, повороты, прыжки — новый флаер в небе выполнял сложнейшие маневры, каждый из которых вызывал восхищение.

Взгляд Хуа Е тоже привлекся к экрану. Флаер приземлился на огромной площади, и из него вышел мужчина. Он был одет в военную форму защитного цвета, с темно-серым ремнем на талии, который подчеркивал его стройную и подтянутую фигуру. Мужчина изначально стоял спиной к экрану, но когда он повернулся, он словно осветил весь экран. Его волосы были полностью скрыты под фуражкой, черты лица четкие, глаза глубокие, особенно янтарного цвета, чище, чем драгоценные камни.

Генерал Диин Сис.

Хуа Е не отрывал взгляда от этого лица, глаза его расширились. Он всегда чувствовал, что

мужчина, встреченный в переулке, кажется знакомым... Но как генерал Диин мог оказаться на Звезде Деревянного Карлика? Если бы это был он, вся планета бы уже взорвалась от восторга! Галактика огромна, и если два человека очень похожи, это возможно, или, может быть, он просто ошибся...

Папа Хуа вдруг указал на человека на экране и сказал Хуа Е:

— Сынок, а как тебе он в качестве жены?

Прошло несколько секунд, прежде чем Хуа Е понял, что его отец только что задал шокирующий вопрос. Старик спросил его, как насчет того, чтобы знаменитый генерал Диин стал женой для такого маленького шахтера, как он...

Хуа Е едва удержался от смеха, бросил взгляд на Папу Хуа:

— Старик, тебе следует спросить его самого...

Папа Хуа серьезно посмотрел на него и действительно задумался.

Папа Хуа молчал всю дорогу, и Хуа Е посмотрел на него. На самом деле, когда Папа Хуа молчал, он выглядел довольно красиво: короткие черные волосы, маленькое лицо, густые брови, родинка под глазом, и когда он улыбался, на щеках появлялись маленькие ямочки, что делало его моложе его возраста. Его бледная, почти болезненная кожа и полуприкрытые глаза делали его похожим на ленивого кота.

— Сынок, мне кажется, что часовой, стоявший впереди на церемонии совершеннолетия, кажется знакомым? — Папа Хуа ткнул пальцем в бок Хуа Е и улыбнулся. — Сынок, это твой друг детства?

Улыбка была довольно мерзкой. Хуа Е подумал, что образ спокойного красавца Папы Хуа был всего лишь иллюзией.

— Ты ошибся, — сказал Хуа Е.

Папа Хуа тоже перестал улыбаться и задумчиво подпер подбородок рукой:

— Да, его глаза были прикованы к Хуа Линю, на тебя он даже не взглянул.

Взгляд Хуа Е на мгновение потускнел, но Папа Хуа не заметил. Хуа Е закрыл глаза, лицо его стало каменным.

Хуа Е чувствовал себя уставшим, как никогда раньше. Эта усталость, казалось, исходила из самой глубины его души. Вернувшись домой, Хуа Е сразу же лег спать. Папа Хуа, который обычно занимал всю кровать, ничего не сказал, а как призрак стоял у кровати, молча глядя на Хуа Е.

Маленький жирный поросенок, вылезший из живота Хуа Е, испугался взгляда Папы Хуа и снова спрятался обратно.

Когда Хуа Е проснулся, уже стемнело. Вдруг его инфокоммуникатор загорелся. На Звезде Деревянного Карлика у каждого на руке был прибор, связанный с генами, похожий на часы, который отображал личную информацию, историю, финансовые данные и т.д., представляя собой огромную базу данных личности, а также служил коммуникатором. Это было символом

гражданства Империи.

Хуа Е посмотрел на имя на инфокоммуникаторе, и его темное лицо вдруг просияло. Он схватил куртку и выскочил на улицу. У выхода он действительно увидел высокую фигуру, стоящую неподалеку. Хуа Е бросился к ней, прыгнул на спину и обхватил шею руками, щекой прижавшись к широкой спине. Его ноздри наполнились запахом Хэриса, приятным и не навязчивым. Хуа Е любил этот запах.

— Хэрис, братик! — крикнул Хуа Е.

Хуа Е и Хэрис выросли вместе, Хэрис был старше на три года, и их отношения всегда были хорошими. Хэрис часто шутил, что Хуа Е — его маленькая жена. До тех пор, пока два года назад Хэрис, как незаконнорожденный, не был возвращен семьей Джонс, второй по значимости семьей на Звезде Деревянного Карлика, и с тех пор Хуа Е редко видел Хэриса. Но они не прерывали связь. Хэрис говорил, что будет заботиться о Хуа Е всю жизнь. Хуа Е знал, что жизнь длинная, но в душе всегда было тепло.

Дома он был опорой, заботился о старшем и младшем, поэтому всегда был ответственным. Но нельзя забывать, что ему было всего пятнадцать. Пятнадцатилетний мальчик считал этого выросшего вместе с ним брата своей опорой, иногда делился с ним своими переживаниями, а Хэрис терпеливо утешал его.

Хэрис снял Хуа Е со своей спины и посадил на высокий каменный выступ, и они посмотрели друг на друга. Хуа Е давно не видел Хэриса, поэтому был очень взволнован, но теперь он заметил что-то странное в Хэрисе. На лице его не было улыбки, глубокие глаза смотрели на него, словно в них зрело что-то.

Он сцепил руки, и в сердце его зародилось плохое предчувствие. Возможно, уже сегодня днем, на церемонии совершеннолетия, когда взгляд Хэриса скользнул по нему, но он не поздоровался, Хуа Е почувствовал что-то неладное. Теперь он выбрал молчание.

— Хуа Е, что ты сделал с Хуа Линем? Он без сознания уже целый день и до сих пор не пришел в себя. Кто-то сказал, что видел, как ты вышел из места, где он потерял сознание, — спросил Хэрис.

Его голос был таким же мягким, как всегда, но в нем не было тепла, зато звучал упрек.

<http://bllate.org/book/16890/1565931>